

№105 2011 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

РОССИИ НУЖНЫ НОВЫЕ ВЫБОРЫ

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

4 декабря в России прошли выборы в Государственную думу.

Скоординированная работа наблюдателей позволила выявить массовые фальсификации в ходе голосования и подсчета голосов. Граждане убедились: обману и манипуляциям можно противостоять.

Беззастенчивая фальсификация вызвала массовые протесты, каких Россия не видела на протяжении многих лет.

Самозванные наследники Столыпина из правящей партии утверждают, что они хотят спасти Россию от великих потрясений. Но искажение результатов народного волеизъявления — самый прямой путь к гражданской смуте.

Неуместная в этих обстоятельствах спешка с созывом первого заседания Думы лишь подчеркивает безответственность власти.

Мы призываем партии, называющие себя оппозиционными, на первом же заседании Думы потребовать немедленного назначения новых выборов.

Было бы вполне логично, чтобы это требование поддержала и «Единая Россия». Если ее лидеры действительно верят, что они победили честно, то они должны быть заинтересованы в том, чтобы устранить все сомнения, связанные с итогами голосования.

«Мемориал» приветствует прошедшие в Москве и других городах мирные массовые митинги — свидетельство пробуждения гражданской активности людей.

«Мемориал» поддерживает проведение митингов 17 декабря, за несколько дней до первого заседания Думы, и 24 декабря, когда будет уже понятно, слышат ли депутаты голос избирателя.

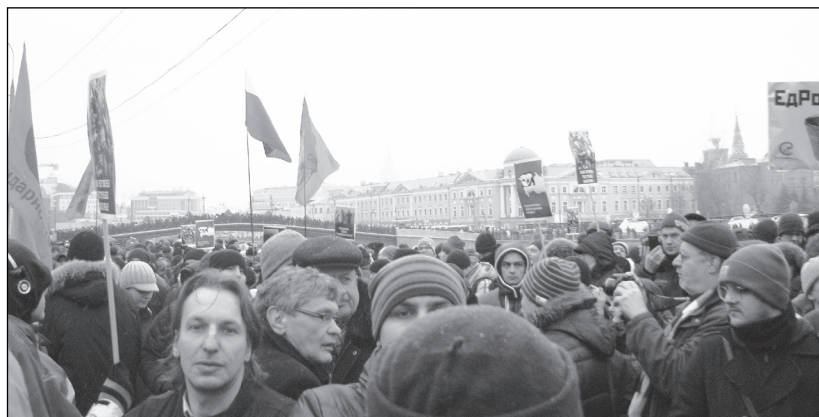
16 декабря 2011 г.

Правление Международного общества «Мемориал»

ГРАЖДАНСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

События декабря 2011 г., вероятно, откроют новую страницу в новейшей истории России. Впервые за почти 20 лет на улице вышел не узкий круг активистов, а народ.

Граждане вышли не с требованием денег и льгот, вообще вне связи с какими-то меркантильными интересами. Ими двигало оскорбленное чувство собственного достоинства, возмущение масштабными фальсификациями в ходе выборов в Государственную думу России.

В согласованной с мэрией заявке на митинг 5 декабря, на следующий день после выборов, предполагалось 300 участников - а собралось не меньше 7 тысяч, заполнивших Чистопрудный бульвар. Но 10 декабря на Болотную площадь вышли ужесточки тысяч людей, потребовавших отставки Чурова, изменения избирательного и партийного законодательства, регистрации всех оппозиционных партий, новых честных выборов и освобождения всех политзаключенных. По оценкам организаторов, пришедших на митинг было более 80 тысяч, по оценке ГУВД, речь шла о 25 тысячах участников, корреспонденты сетевых изданий говорили о 30-35 тысячах человек. В любом случае, речь идет о самом масштабном митинге протеста с 90-х гг. Огромную роль в мобилизации общества сыграли социальные сети Facebook, vkontakte, twitter. Только на Facebook в группу участников митинга записались более 50 тыс. человек.

Сначала власть реагировала на выступления протеста привычно: массовыми репрессиями.

В понедельник было задержано около 300 участников мирного шествия к зданию ЦИК. Amnesty International объявила всех задержанных узниками совести. Около 60 человек были арестованы мировыми судьями на сроки от 3 до 15 суток. Конвейеры судебных заседа-

ний, на которые не допускали публику, где даже сумевшим прорваться к своим подопечным защитникам не удавалось добиться не только вызова свидетелей, но порой даже возможности ознакомиться с делом, превратились в настоящие фабрики беззакония. Принятые решения немедленно проштамповывались районными судами в апелляционной инстанции. Известным активистам (А.Навальному, И.Яшину, В.Чернозубу и др.) давали арест, неизвестным — как повезет. Впрочем, на второй-третий день судебного процесса кое-какая система наметилась. Судьи и полицейские прямо стали говорить задержанным ребятам: тем, кто защищается, пользуются услугами защитника, — сутки; тем, кто все признает, отказывается от защиты, — штраф.

Особняком стоит дело члена ПЦ «Мемориал» Игоря Гуковского, который был заявителем митинга на Чистых прудах. Он оказался виновным в том, что вызванное действиями властей возмущение привело вечером понедельника на бульвар тысячи людей. Но особенно нелепо (и было бы смешно, если бы не было грустно), что фактически за то же самое Игорь были назначены еще и 15 суток ареста — поскольку он не исполнил якобы неоднократно предъявлявшиеся ему «законные требования сотрудников по-

лиции» уменьшить число собравшихся до 300 человек.

Так было с теми, кто попал в жернова полицейского и судебного произвола 5 декабря. На следующий день на Триумфальной площади тысячи граждан вышли на несогласованную акцию протеста. Итог — более 600 задержанных. И это тоже рекорд, хотя и противоположного свойства. Такого числа «политических» задержаний всего за сутки не было в Москве с 1993 года. Однако тут уже власть проявила некоторое благоразумие. Из задержанных арестован не был ни один. Действия же полиции 10 декабря, во время самого массового митинга, получили заслуженную благодарность организаторов и участников. Задержанных в этот день (да и то вскоре отпущенных) было всего двое.

Хотелось бы надеяться на то, что власть изменила подход к мирным протестам, но верится в это пока не слишком. Велика угроза, что при дальнейшем росте протестного движения ряды административных политзаключенных могут пополниться опять. Но остановить рост самосознания общества полицейскими репрессиями, похоже, уже не удастся.

Сергей Давидис, Правозащитный центр «Мемориал»

Фото Веры Васильевой для <http://hro.org>

НЕТ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ ГРАЖДАНСКИХ АКТИВИСТОВ И ПРАВОЗАЩИТНИКОВ!

10 декабря Антидискриминационный центр «Мемориал» выпустил заявление, напомнив о том, что в этот день во всем мире отмечается День прав человека. «Организация Объединенных Наций определяет тему этого дня, под знаком которой проходит следующий год. В 2011 г. такой темой стала защита правозащитников, борющихся за искоренение дискриминации и привлечение внимания общества к их работе».

«В России в 2011 г. усиливались репрессии против всех проявлений недовольства, критики власти, оппозиционных настроений. 25 ноября, спустя несколько дней после вынесения приговора Алексею Беляцкому, в Санкт-Петербурге была организована акция солидарности в виде серии одиночных пикетов у консульства Республики Беларусь, участни-

Продолжение на с. 5 >

ВЫНЕСЕН ПРИГОВОР ПО «АРХАНГЕЛЬСКОМУ ДЕЛУ»

8 декабря Октябрьский районный суд завершил рассмотрение уголовного дела историка Михаила Супруна и бывшего начальника Информационного центра ГУВД по Архангельской области Александра Дударева.

Суд признал виновным Супруна в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137 УК РФ, но освободил его от наказания в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Дудареву приговором суда назначено наказание в виде 1 года лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год.

Напомним: предметом громкого уголовного дела стала подготовка Книги памяти по немецким переселенцам в Архангельскую область. Михаила Супруна обвинили в незаконном сборе и распространении сведений о частной жизни лиц, составляющих их личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 137 УК РФ), Александра Дударева — в превышении должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ). «30 октября» писала в № 104 о подробностях этого прецедентного дела.

Адвокат Михаила Супруна Иван Павлов так прокомментировал решение суда:

«Это дело появилось не для того, чтобы наказать Супруна или Дударева, а для того, чтобы напугать их коллег. Причем здесь власть убила двух зайцев. Она напугала историков, которые работают с архивами, и напугала архивистов, которые обязаны обеспечивать доступ к архивным делам репрессированных. И поэтому теперь историки боятся заходить в архивы, а архивисты боятся пускаться в архивы. Власть хотела это сделать, и она это сделала».

Вряд ли суд общей юрисдикции вообще может восстановить правовой статус-кво. Весь негатив уже случился, и даже оправдание Супруна вряд ли смогло бы эту ситуацию исправить. Мы, конечно, возражали против прекращения дела по истечению срока давности, поскольку это основание не является реабилитирующим. Хотели, чтобы суд вынес оправдательный приговор за отсутствием состава преступления или события преступления.

Но когда мы вынесем это дело на федеральный уровень, Конституционному суду предстоит рассмотреть вопрос правового характера: можно ли под предлогом личной или семейной тайны скрывать репрессии. Можно или нет? Согласно позиции обвинения, которая была поддержана судом, оказывается, можно.

Поэтому мы хотим, чтобы КС рассмотрел этот вопрос и дал наконец толкование. Ведь уже давно под предлогом личной и семейной тайны историкам отказывают в доступе к архивным документам. Причем когда историки спрашивают, а что это за семейная тайна, им вообще ничего не объясняют. И если КС возьмется за рассмотрение этого дела, ему придется дать толкование термина «личная и семейная тайна» и внести ясность, как это соотносится с данными о репрессиях.

Таким образом, благодаря делу Супруна и обращению в КС, возможно, удастся решить очень большую проблему с закрытостью ар-

Продолжение на с. 5 >

В НОМЕРЕ:

Акции протеста в городах России 2

Последний узник пятьдесят восьмой 3

Григорий Свирский о цензуре и антисемитизме 6

КАБИНЕТ-МУЗЕЙ АНДРЕЯ САХАРОВА

Напомним: Сахаровское движение — общее название для всех, кому важно наследие Андрея Сахарова, кто хочет знать об этом человеке и о его деятельности, помнить о нем или рассказать о нем другим.

Сахаровское движение собирало средства для создания мемориального кабинета-музея Андрея Сахарова в квартире, где работал и умер правозащитник. Инициаторы проекта считают, что в наши дни идеи, принципы и взгляды Андрея Сахарова вновь востребованы обществом, уставшим от лжи и двоемыслия.

Поэтому они хотят, чтобы в Москве появилось такое место, где наследие Андрея Сахарова стало бы доступно для всех и обрело новую жизнь. Это, по замыслу организаторов, будет современный интерактивный музей, что должно вызвать интерес у представителей разных поколений и тем самым объединить их.

Авторы идеи решили создать принципиально народный музей и не обращаться к государству и бизнесу за помощью. Для этого им необходимо собрать пожертвований как минимум 1,5 млн рублей.

По данным сайта Сахаровского движения <http://saharov-today.ru>, на 23 декабря вся необходимая сумма была собрана.

Сайт движения информирует, что начинаются работы по реставрации квартиры и созданию музея Андрея Сахарова: «Мы продолжим собирать средства для оснащения музея-квартиры. Необходимо закупить аппаратуру, собрать экспонаты, спроектировать экспозицию музея. Но мы уверены в успехе».

Сахаровское движение благодарно всем читателям «30 октября», которые пожертвовали деньгами на музей.

По информации сайта Сахаровского движения <http://saharov-today.ru>

ПОСЛЕДНИЙ УЗНИК ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

9 декабря в Москве прошел вечер памяти советского диссидента и публициста Анатолия Марченко, посвященный 25-летию со дня его смерти последнего политзаключенного СССР — Анатолия Тихоновича умер 8 декабря 1986 года в Чистопольской тюрьме.

Вечер открылся «круглым столом» «Судьба Анатолия Марченко и начало освобождения политических заключенных в СССР». В нем приняли участие Арсений Рогинский, Александр Даниэль, Сергей Лукашевский, Людмила Алексеева, Александр Черкасов.

От наивного юноши — к зрелому политическому бойцу

Анатолий Марченко был замыкающим в многомиллионной шеренге жертв 58-й. Случайность ли, что именно ему выпал этот трагический и высокий жребий, или можно в его биографии, в его жизни, в его смерти разглядеть те знаки и предзнаменования, которые превращают биографию в судьбу? Эти знаки налагаются на человека тяжелым и жестоким образом, но никогда — вслепую.

Первый лагерный срок Анатолий Марченко получил в 1958 году. Его арестовали и осудили по обвинению в участии в межнациональной драке в рабочем общежитии. На самом деле он не участвовал в драке — это была судебная ошибка, которую исправили позже. Исправлена по-советски: дело не было пересмотрено судом. Просто указом Верховного Совета Анатолия Марченко в 1959 году освободили от дальнейшего отбывания наказания со снятием судимости.

Известие об освобождении Марченко встретил на свободе, поскольку он бежал из лагеря, так и не смирившись с несправедливым обвинением. Однако в архивах не сохранились записи о его побеге. Этот факт известен из рассказов самого Анатолия Тихоновича.

Как сложилась бы судьба Марченко, если бы он не бежал из лагеря и дождался бы известия о освобождении? Состоялась бы его судьба в том виде, в котором она состоялась, или он вернулся бы к обычной жизни? Это вопрос, и это загадка.

Двадцатиодолетний юноша оказался выброшенным в мир без документов, без работы, без постоянного места жительства. Это привело его к мысли, что в этой стране ему места нет и что надо бежать уже не из лагеря, а из страны.

В 1960 г. он пытался осуществить эту идею, но был пойман буквально в 50 метрах от границы. Так он попал в Мордовские лагеря. Именно эти лагеря сделали его тем, каким все его знали: закаленным политическим бойцом и высокообразованным человеком.

В лагере Анатолий Марченко интенсивно занимался самообразованием. Он прочитал всю русскую классику XIX века «от корки до корки» и цитировал по памяти писателей целыми страницами, прочел массу статей по политэкономии, классиков марксизма. Но самое главное: он столкнулся в Мордовии с настоящими политическими заключенными — не с теми, кто попал туда за «язык без костей», а с сознательными оппозиционерами.

Он вышел из лагеря в 1966 году совсем другим человеком. Та среда, которую позднее назвали диссидентской, только складывалась. Он окунулся в эту среду вместе со своей идеей написать книгу о том, что видел в поли-

тических лагерях. Возможно, он осуществил бы эту идею в любом случае — многие писали книги на эту тему, будучи одиночками. Но Анатолий Марченко оказался в понимающей, сочувствующей и внимательной к нему среде. И это тоже не случайность.

Книга «Мои показания» — то открытие Мордовии, которое он совершил для московской интеллигенции, и не только интеллигенции, стала самиздатским бестселлером. Ее читали в машинописи сотни людей, и он получал от них отзывы: читатели реагировали на нее остро и сильно. Ведь в то время никто толком не знал о современных политлагерях. Люди знали, что политические лагеря есть, за политические высказывания сажают, а куда сажают — никто толком не понимал. Реального представления почти ни у кого не было. Марченко был тем человеком, который открыл для людей этот мир полностью.

«Им не нравится жить со мной в одной стране — пусть они и уезжают, а я здесь живу»

Еще один парадокс его судьбы: ему настойчиво, прямо или косвенно, предлагали эмигрировать. Первое такое предложение было в январе 1968 году, когда о том, что можно уехать из страны, никто и не слышал. «Мы в компании шли мимо метро «Белорусская». Там его повязали, отвели в «ментовку» поблизости, и там с ним беседовал некий чин КГБ, назвавшийся Медведевым, — вспоминает Александр Даниэль. — Он сказал ему: «Вам очень не нравится в нашей стране. Не хотели бы вы уехать в другую страну?» Невероятная фраза для января 1968 г., когда не было еще ни еврейской, никакой другой эмиграции. Толя всерьез не принял эти слова. Он вышел и со смехом пересказал нам ее. Он спросил тогда Медведева: «Это в какую другую страну, в Мордовию, что ли?» На том разговор и закончился».

Предложения об эмиграции поступали Марченко и позже, когда эта тропка была уже проложена представителями советской интеллигенции в 1974–1975 годах. Он отказался. Отказался категорически. Ему не был свойствен экзальтированный патриотизм. Конечно, он любил свою страну, любил свой язык, свою культуру, свой дом. Дом для него был вообще понятием совсем особенным. Но он отказался, сказав, что он не хочет играть в те лицемерные игры, которые ему предлагались для того, чтобы эта эмиграция стала реальностью. Он не хотел фальшивого израильского вызова, не хотел фиктивных израильских родственников. Он отвечал на все эти предложения одним способом: «Им не нравится жить со мной в одной стране — пусть они и уезжают, а я здесь живу».

Ирония судьбы состоит в том, что эти слова говорил человек, первая политическая статья которого — за неудачную попытку бежать из СССР.

Осенью 1986 г. Марченко объявил голодовку с требованием освободить всех политических заключенных СССР

«Когда мы с Ларисой Иосифовной (Богораз, женой Марченко. — Ред.) узнали о его требовании, мы струхнули, мы не решились его огласить, оно показалось нам невероятно экстремистским, — вспоминает Даниэль. — Толя не был ни без-

умцем, ни самоубийцей — смерть не входила в его расчеты. Просто он что-то понял лучше нас. Читая советские газеты, обладая умением читать между строк, он понял, что наступило время выдвинуть эти требования».

И в это самое время КГБ в лице Булата Каратаева (настоящая его фамилия — Иманбаев) заявляет Ларисе Богораз о готовности отпустить Марченко за границу, если она напишет такое заявление. Она сказала, что не может написать такого заявления без ведома мужа. Свидания супругам так и не дали.

Умер Марченко. Горбачев позвонил Сахарову. Советский Союз рухнул

Анатолий Марченко умер 8 декабря 1986 году в Чистопольской тюрьме, а 15 декабря случился исторический звонок Горбачева Сахарову, который означал конец ссылки Андрея Дмитриевича в Горьком.

Спустя еще шесть недель в «Известиях» появилась заметка о том, что признано нецелесообразным дальнейшее заключение ряда государственных преступников и эти государственные преступники будут освобождены.

Как эти процессы были связаны между собой? Как смерть Марченко была связана с этими процессами? Был ли звонок Горбачева Сахарову следствием смерти Марченко? Сам Андрей Дмитриевич постоянно возвращался к этой теме. Повлияла ли эта смерть на освобождение политических заключенных — это тоже вопрос. Возможно, эта голодовка и эта смерть приблизили эти события? Так или иначе, спустя шесть недель после его смерти процесс освобождения политзаключенных начался — круг замкнулся. То, что Анатолий Тихонович был последней жертвой 58-й статьи — не случайность, а такой страшный, жестокий парадокс судьбы.

В 1990 году Арсений Рогинский вместе с Сергеем Ковалевым во время посещения в составе комиссии ВС РСФСР заключенных в Чистопольской тюрьме потребовали личное дело Марченко, в котором обнаружили два заявления Анатолия Тихоновича, связанных с голодовкой. Эти заявления, по словам Рогинского, «открыли глаза на многое». Первое заявление — о начале голодовки Марченко.

«4 ноября 1986 г. в Вене открывается встреча государств-участников Хельсинкского соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе. Считаю себя политическим заключенным, с 4 августа я начинаю длительную голодовку протеста, которую, в случае применения в отношении меня принудительного искусственного кормления, намерен продолжать не только до дня открытия совещания в Вене, но и до его завершения. Своей голодовкой я протестую против судебных расправ, учиняемых советскими властями против инакомыслящих, и пыток над ними в местах заключения, нередко заканчивающихся физической ликвидацией их с использованием специалистов самой гуманной в мире профессии — врачей. Подобное обращение советских властей с инакомыслящими противоречит духу и букве Хельсинкского заключительного акта и других международных соглашений, подписанных и ратифицированных советским правительством, и дает мне право требовать (далее — подчеркнуто) освобождения всех политических заключенных в Советском Союзе.

Политзаключенный Марченко. 4 августа 1986 г.»

Второе заявление адресовано Генеральному прокурору СССР А.М.Рекункову и отправлено через два месяца после начала голодовки. «С 4 августа сего года я нахожусь в голодовке с требованием прекращения издевательств над политзаключенными в СССР и их освобождения. На сороковой день голодовки, 12 сентября, меня впервые накормили искусственно и с тех пор применяют искусственное питание ежедневно один раз в день, кроме воскресенья. В связи с фактом искусственного питания в той его форме, в которой этот гуманный сам по себе акт применяется лично ко мне администрацией колонии, я вынужден обратиться к Вам, гражданский генеральный прокурор СССР.

Я знаком с искусственным питанием по личному опыту в местах заключения еще с 50-х годов, когда голодающих эзков начинали кормить искусственно не на сороковой день голодовки, а на первой неделе. Так что мне есть с чем сравнивать мою сегодняшнюю голодовку, и это сравнение дает мне основание заявить Вам, что искусственное питание для меня сейчас не что иное как замаскированное под гуманный акт спасения жизни голодающего издевательство. И цель этих процедур одна: принудить меня такой коварной и недозволенной формой физического воздействия прекратить голодовку. Вот фактическая сторона этого метода: питательная смесь готовится умышленно с крупными кусочками-комочками из пищевых продуктов, которые не проходят через шланг, а застревают в нем и, забивая его, не пропускают питательную смесь в желудок. И под видом прочистки шланга мне устраивают пытки, массажную и дергавую смесь, не вынимая его из моего желудка. Да через такой шланг, при желании, можно прогнать не только жидкую питательную смесь, а полтавские галушки или сибирские пельмени. Это и говорит о злонамеренности устраиваемой мне пытки под видом гуманного акта. Как правило, всю эту процедуру производит один медработник. Он поэтому не в состоянии при заливке смеси размешивать ее, так как у него уже заняты обе руки — одной он держит шланг, а другой заливает из миски смесь. При таком способе, он легко сливает жижу, а потом шланг забивается. И начинается прочистка шланга с массажем и дерганием не вынимая его из моего желудка. Но прочистить таким образом шланг не всегда удается, так что и часть питательной смеси часто выбрасывается в помой. Повторяю, что в данном

случае, под видом гуманного акта Советские власти в лице медчасти тюрьмы подвергают меня физическим пыткам с целью принудить меня прекратить голодовку. По многолетнему личному опыту, я знаю Вашу манеру реагировать на сигналы о произволе тюремщиков. Вы поручаете разбираться по существу тем же тюремщикам, например, начальнику управления. «Факты проверкой не подтвердились» — это стандартный ответ в таких случаях. Он, конечно, очень удобен для внутреннего потребления, но вряд ли он будет таковым, когда он будет представлен советским представителям на международных форумах международных организациями. А этого нашим советским властям в наши дни не избежать. Так что, гражданин генеральный прокурор СССР! Прекратите издевательство и пытки! Не используйте гуманный акт спасения жизни голодающего в качестве физического воздействия на голодающего с целью прекратить его голодовку. Свободу всем политзаключенным в СССР!

Политзаключенный Марченко. 3 октября 1986 г.»

Будут ли новые «политические»?

Появятся ли в России новые политзаключенные в связи с тем, что недовольных действующей властью становится все больше? «Политзаключенные уже есть, — говорит Людмила Алексеева, глава Московской Хельсинкской группы, правозащитница. — И надо добиваться их освобождения. Я не могу сказать — будет ли новая волна политических заключенных. Власть растеряна, и они сами еще не определились: будут ли они закручивать гайки или постараются подружиться с нами. Это выяснится в ближайшее время».

Сейчас, по мнению Людмилы Михайловны, переломный момент. «Власть надеется на то, что оппозиция «проволынит» до нового года, а потом, глядишь, все «сдуется», забудется. Думаю, что это не так. Даже если «сдуется», то к президентским выборам опять надуется».

Елена Хрусталева, корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru специально для «30 октября»

На снимке: Лариса Богораз и Анатолий Марченко с сыном, 1978, Иркутск

Фото из личного архива А. Марченко, предоставлены архивом НИПЦ «Мемориал»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Российская политика с давних пор балансирует на грани анекдота. Мало что другое способно представить ее так точно и емко. В самом общем виде это можно объяснить тем, что претензии государства обаять собой все и вся неизбежно «лопаются», демонстрируя множество смешных и нелепых прорех. Если говорить о сегодняшней политике государства в области исторической памяти, она едва ли не вся выглядит как набор анекдотических ситуаций, потому что идеологических, смысловых, содержательных стыковок просто не осталось. На уровне лозунгов провозглашается идея возрождения «великой страны» и даже «великой империи», но реальность как-то мало напоминает величие. У самой власти нет видения будущего России, а потому и образ прошлого оказывается лоскутным и противоречивым.

2 декабря в рамках 13-й Международной ярмарки интеллектуальной литературы «Non/fiction», проходившей в Центральном доме художника в Москве, Общество «Мемориал» организовало дискуссию «Россия перед выборами: историческая политика между прошлым и будущим».

Дискуссия состояла из двух частей. В первой выступили сотрудники сайта «Уроки истории» <http://urokiistorii.ru>, ведущие ежедневный мониторинг событий в области исторической памяти, отраженных в российских СМИ, — Юлия Черникова, Сергей Бондаренко и Наталья Колягина. Во второй части их сообщения комментировали эксперты — политолог, редактор журнала «Pro et Contra» Мария Липман; социолог, руководитель отдела социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левады Борис Дубин; историк, заместитель главного редактора журнала «Вокруг света» Никита Соколов; историк, член правления Международного «Мемориала» Александр Даниэль и историк, научный редактор портала «Полит.ру» Борис Долгин. Дискуссию модерировали директор по развитию Международного «Мемориала» Дмитрий Кокорин и руководитель просветительских и молодежных программ Международного «Мемориала» Ирина Щербакова.

«Политика — это большое конкурентное поле, где разные силы предлагают свои интерпретации прошлого. Это противоречивые инициативы, исходящие как от государства, так и от партий, организаций, частных лиц. Эту среду мы и стремимся исследовать», — сказал Дмитрий Кокорин, представляя проект мониторинга, материалы которого с октября 2010 года публикуются на сайте «Уроки истории» в разделе «Историческая политика».

«Ленин на сыре»

Темой сообщения Юлии Черниковой стали мемориальные доски, появившиеся на территории России в 2010–2011 годов «Мемориальная доска — краткое выражение памяти о человеке — кто он и почему мы должны о нем помнить. Это помогает понять нашу собственную идентичность — а кто же такие мы?»

Самая распространенная категория лиц, увековеченных на досках, — герои войн, причем между ними существует своеобразная субординация: если доска героям Великой Отечественной войны размещается на фасадах домов, выходящих на центральные улицы, то доска героям афганской и чеченских войн попадают в более «скромные места», часто — на стены школ. Какую-то часть текстов на этих досках можно назвать пустыми, имитационными высказываниями о прошлом, например: «В этом доме жил ветеран Великой Отечественной войны (имя, отчество, фамилия). Честь. Верность. Долг».

Хотя факт политических репрессий давно всеми признан, мемориальные доски о них по-прежнему умалчивают. Так, на доске поэту Павлу Васильеву, расстрелянному в 1937 год по обвинению в подготовке покушения на Сталина, об этом нет ни слова. На знаке памяти репрессированному немцу в городе Энгельсе после долгих согласований слово «репрессированные» было смягчено и заменено на «депортированные».

Продолжается увековечение «выдающихся партийных деятелей», се-

кретарей обкомов КПСС, что становится поводом для публичных акций. Например, в мае этого года петербургские «яблочники» провели флеш-моб с чтением стихов И. Бродского у мемориальной доски первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Григорию Романову, в период «царствования» которого поэт был вынужден эмигрировать.

Необычный пример — мемориальная доска Владимиру Высоцкому в Дивногорске Смоленской области, где певец дал несколько концертов. На доске, выбранной народным голосованием, вообще нет подписи, но всеми узнаваемой фигуры достаточно, чтобы знак стал выражением любви и памяти об этом человеке.

Сообщение Сергея Бондаренко было посвящено памятникам Ленину в современном российском городском пейзаже. Они аккумулируют весь спектр отношений к прошлому: у одних вызывают раздражение как политический пережиток; для других это все еще живой символ, противостоящий сегодняшнему состоянию страны; третьи не обращают на него внимания, а четвертые, самые молодые, уже просто не понимают, кто это такой и зачем он тут стоит. Памятники Ильичу взрывают, разрисовывают звездами и свастиками, реставрируют и полируют в зависимости от отношения к его персоне. Но, наверное, самый неожиданный подход к местному монументу проявили жители Находки, раскрасившие ступени, на которых сидит вождь пролетариата, в желтый цвет с черными «дырочками» — получился Ленин на куске сыра. Сергей Бондаренко сравнил этот пример с акциями «глушителей массовой культуры», пародирующих и отстраняющих любые проявления пропаганды, рекламы и другой манипуляции общественным сознанием.

Наталья Колягина рассказала о том, как в сфере исторической памяти проявляют себя частные лица. Это чрезвычайно пестрая картина, охватывающая, с одной стороны, разнообразные инициативы, обращения, кампании по сбору подписей, с другой — акты вандализма, а с третьей, наоборот, — деятельность людей, взявших на себя ответственность за установку памятных знаков и монументов. Примером последней может быть проект строителя из Кубани Михаила Сердюкова «Аллея российской славы», цель которого — «возрождение

яне», которое было в ходу в ельцинские времена, полностью отвергнуто. Выступая публично, первые лица государства говорят: «дорогие друзья», «дорогие коллеги», «дорогие граждане России». Последнее — правильное понятие, но слишком длинное. Должно быть одно слово, это минимум, чтобы у нации было ощущение, что она такое.

«Откуда?» При советской власти было все понятно: старый режим долой, новый вперед; был отец-основатель, повсеместно размноженный в памятниках, и праздник 7 ноября. А теперь? 1917 год — нет, Ленина на официальном уровне тоже никто не пропагандирует. С чего начинается Российское го-

их «культурных героев» выдвигают в регионах. Не то, что отражено в монументальной пропаганде, а то, вокруг чего есть какая-то жизнь».

Тенденции

Обобщая личные наблюдения, Борис Дубин назвал три направления увековечения исторической памяти, отражающих национальные идентичности: французские памятники — «здесь убит такой-то», то есть памятники борьбе и борцам за свободу; немецкие — собственному прошлому, не только славному и положительному («Теперь мы знаем, кто мы такие, и теперь нам придется с этим жить», — писал Гюнтер Грасс); швейцарские — в Швейцарии не встретишь ни одного памятника в военной форме, только гражданским лицам, мценатам, писателям и т.д.

Что может стать основанием для новой российской идентичности? Пока было бы уместно поставить памятник в виде знака вопроса.

Подтверждая наблюдение Бориса Дубина, Никита Соколов привел цифры: по данным Парижского муниципалитета, в центральном округе французской столицы из 1060 мемориальных досок 45% посвящены событиям одной недели — августу 1944 года, освобождению города от фашистов.

Современный европейский тренд в сфере исторической памяти, отметил Никита Соколов, — это выработка общей памяти в смысле совести. У нас из двух самых активных трендов один прямо противоположен, другой — уводит в сторону. Первый пропагандирует идеи сильной власти и великодержавия, второй изображает отечественную историю как сочащуюся медом и елеем. Пример второго тренда — серия книг Владимира Мединского «Мифы о России», в которых любой критический, проблематизирующий взгляд на наше прошлое отвергается как навязанный извне «миф», а вся история страны превращена в благостный рекламный ролик.

Говоря о незначительном федеральном вкладе в увековечение памяти жертв политического террора, надо иметь в виду, что региональных, муниципальных и частных инициатив в этом направлении очень много, отметил Александр Даниэль. Но тенденцией последней времени стала экспансия Русской православной церкви на эту территорию, поэтому можно предположить, что в будущем нас ждут сплосные кресты, часовни и храмы на местах памяти. (Эти слова вызвали немедленную реакцию из зала, что РПЦ — не посторонний субъект на этой территории и что тема террора для русского православия никак не случайна.)

Важно задать вопросы самим себе, продолжил Александр Даниэль: а чего мы хотим, обсуждая поднятую тему, — общественного консенсуса или дискуссии? И какой дискуссии — ведущей к консенсусу или вечной? Да, вынужденной федеральной памяти нет, но так ли мы хотим, чтобы она была — сформулированная и претворяемая этой властью? Мы живем в эпоху эклектики, но эклектика — это и некоторое пространство свободы.

Борис Долгин высказал ряд соображений о методологии мониторинга и призвал молодых историков задумываться о том, как правильно квалифицировать субъектов, выступающих с частными инициативами в сфере исторической памяти. В одних случаях это не совсем частные лица, а люди, фактически состоящие на государственной службе, в других — люди, использующие историю для совсем других целей.

Николай Гладких

На снимке: Наталья Колягина, Сергей Бондаренко, Дмитрий Кокорин, Юлия Черникова
Фото Анны Брагиной

